

дентов, активно вовлечен в разработку содержания обучения, постановку целей, оценивание студентов, обеспечение обратной связи, содействует комфортному общению членов сообщества и продуктивным дискуссиям, участвует в конструировании смыслов студентами, внимателен к их потребностям, готов модифицировать и подстраивать курс под нужды студентов. Важно отметить, что, согласно рассматриваемой модели, преподаватель уже больше не «мудрец на сцене» (*sage on the stage*), а фасилитатор (*guide on the side*) – тот, кто содействует добыванию знаний, исследованию и открытию, конструированию знаний через постановку вопросов, созданию студентами собственных смыслов; он лишь указывает, на что стоит обратить внимание, и направляет студентов.

Вывод. Представленная модель онлайн-обучения, возникшая и развивавшаяся на основе эвристического подхода в педагогике (обучение путем открытия), при условии актуализации в образовательном процессе всех трех ее компонентов и их активного взаимодействия, может служить прочной методологической основой для создания эффективных онлайн-курсов, а также применяться в условиях смешанного (*blended learning*) и традиционного оффлайн-обучения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Garrison, D. R., Anderson, T., Archer, W. (2000). Critical inquiry in a text-based environment: Computer conferencing in higher education model / D. R. Garrison, T. Anderson, W. Archer // *The Internet and Higher Education*. – 2000. – №2 (2-3). – P. 87-105.
2. Akyol, Z., Garrison, D. R. The development of a community of inquiry over time in an online course: Understanding the progression and integration of social, cognitive and teaching presence / Z. Akyol, D. R. Garrison // *Journal of Asynchronous Learning Network*. – 2008. – №12 (3). – P. 3-23.
3. Garrison, D. R. Thinking Collaboratively: Learning in a Community of Inquiry / D. R. Garrison. – London: Routledge, 2015. – 158 p.
4. Garrison, D. R. E-Learning in the 21st Century: A Community of Inquiry Framework for Research and Practice / D. R. Garrison. – New York: Routledge, 2017. – 202 p.
5. Castellanos-Reyes, D. 20 Years of the Community of Inquiry Framework / D. Castellanos-Reyes // *TechTrends*. – 2020. – № 64. – P. 557–560.
6. Fiock, H. Designing a Community of Inquiry in Online Courses / H. Fiock // *The International Review of Research in Open and Distributed Learning*. – 2020. – № 21 (1). – P. 135-153.

ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ РОЛЕЙ КАК ЗАЩИТА ЛИЧНОГО ПРОСТРАНСТВА В МЕДИЙНОМ ИНТЕРВЬЮ

А. В. Жутинская

*Минский государственный лингвистический университет,
ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск, Беларусь, anpzip@mail.ru*

В работе на материале русскоязычного медийного интервью, которое сегодня характеризуется расширением тематического диапазона и увеличением количества личных, некорректных или провокационных вопросов, анализируется использование интервьюируемым перераспределения коммуникативных ролей в диалоге как способа защиты границ своего личного пространства. Устанавливается, что основным способом перераспределения ролей выступает встречный вопрос, описываются его основные разновидности, включающие переадресацию вопроса интервьюеру, запрос мотивировки и критику инициирующего вопроса / спрашивающего, а также их характеристики.

Ключевые слова: защита личного пространства; распределение коммуникативных ролей; медийное интервью; отвечающий; спрашивающий.

REDISTRIBUTION OF COMMUNICATIVE ROLES AS PRIVACY DEFENSE IN MEDIA INTERVIEWS

A. V. Zhupinskaya

*Minsk State Linguistic University,
Zakharov st., 21, 220034, Minsk, Belarus, annzup@mail.ru*

The paper is based on Russian media interview which are characterized by thematic range expansion and big amount of private, incorrect or provocative questions that are used by the interviewer. It analyzes redistribution of communicative roles in dialogue as a privacy defense tactic used by interviewee. The author states that the counter question is used as the basis for redistribution of roles, describes main variants of counter questions including readdressing, inquiry of motivation and criticism of the question / interviewee, and their characteristics.

Key words: privacy defense; communicative roles distribution; media interview; question-sender; question-recipient.

В преподавании иностранных языков большое внимание уделяется обучению ведению диалога. В качестве одного из эффективных методических приемов обучения диалогической речи на занятиях нередко используется интервью, которое применяется и как одна из разновидностей ролевой игры, и как диалог-образец. Такая востребованность жанра в педагогическом дискурсе, вероятно, обусловлена его упрощенной субъектной структурой, относительной фиксированностью тематики, а также четкой вопросно-ответной структурой с достаточно жестким распределением коммуникативных ролей.

Следует отметить, что в образовательных целях в основном используется классическое интервью, характеризующееся каноническим распределением коммуникативных ролей, что предполагает ситуативную неравнозначность партнеров в диалоге, при которой контроль над темой и ходом беседы принадлежит «привилегированному» участнику – интервьюеру [1; 2], и ему же отводится роль спрашивающего.

При этом реальные медийные интервью на современном этапе не всегда придерживаются канонов традиционной журналистики. Последние тенденции в развитии данного жанра включают в себя существенное расширение диапазона тем, доступных для обсуждения в публичном пространстве, а также изменения в структуре диалога. Расширение тематического диапазона ведет к появлению большого количества неудобных, провокационных или слишком личных вопросов, которые нарушают границы личного пространства интервьюируемого, вынуждая последнего защищаться. Подобные изменения наиболее характерны для русскоязычных интернет СМИ, которые, среди прочего, являются площадкой для деятельности интервьюеров с особым провокационным стилем ведения интервью, в частности, Ю. Дудя, К. Собчак и др.

В качестве одного из способов защиты личного пространства может выступать перераспределение коммуникативных ролей в диалоге, при котором лидирующую позицию спрашивающего занимает интервьюируемый. Перераспределение осуществляется при помощи встречного вопроса.

При этом встречные вопросы не всегда служат именно для защиты личного пространства, и чаще всего они лишь позволяют уточнить некоторую информацию. В целом в ходе интервью возможны следующие ситуации, включающие перераспределение коммуникативных ролей.

1. Интервьюер задает вопрос, не нарушающий границы личного пространства, а интервьюер реагирует встречным уточняющим вопросом:

– *А давайте просто простой прогноз. Как вы думаете, я доживу до этого, когда журналистика возникнет как профессия?*

– *А вам сколько лет?*

– *Тридцать. Тридцать один.*

– *Я думаю, что да (Ю. Дудь – В. Познер).*

Здесь уточняющий вопрос является необходимой составляющей для правильного понимания запроса интервьюера, без которого ответить на вопрос и продолжить диалог затруднительно. Подобные вопросы используются как в традиционном, так и современном провокационном интервью.

2. Интервьюер нарушает границы личного пространства, но интервьюер задает только встречный уточняющий вопрос, не пытаясь защищаться:

– *Вы когда-нибудь воровали?*

– *У государства? (Ю. Дудь – М. Ефремов).*

В этом примере интервьюируемый, несмотря на вторжение в его личное пространство, предпочитает на данном этапе диалога сфокусироваться на информационной стороне иницирующего вопроса, а не на его личном или некорректном характере.

Названные случаи перераспределения коммуникативных ролей не являются защитой личного пространства, так как подобные уточняющие вопросы позволяют только отсрочить ответ, а не избежать его. Следовательно, они не анализируются в данной работе.

3. Интервьюер задает вопрос, нарушающий границы личного пространства собеседника, который отвечает встречным вопросом с целью уклониться от ответа.

Последний вариант непосредственно связан с защитой личного пространства интервьюируемого и требует дальнейшего рассмотрения. Так, можно выделить несколько разновидностей встречных вопросов, используемых для защиты личного пространства.

Наиболее очевидным способом перераспределения коммуникативных ролей, является простая переадресация вопроса интервьюеру:

– *Ну, Сашиа Грей секси?*

– *Никогда не был фанатом Сашии Грей со мной. Как тебе Сашиа Грей?*

– *Ну, она порномодель (Ю. Дудь – Е. Баженов).*

Такая тактика позволяет интервьюеру самому ощутить личный или некорректный характер вопроса, а также ставит его перед необходимостью защиты на этот раз собственного личного пространства. При этом интервьюируемый

может при желании укрепить свою позицию спрашивающего серией дополнительных вопросов.

Переадресация может быть более развернутой и существенно отличаться от инициирующего вопроса. В этом случае встречный вопрос представляет собой скорее запрос о мнении интервьюера в целом по проблеме, содержащейся в изначальном вопросе:

– *И че, ты думаешь... что хейтеры могут до...аться прямо физически?*

– *Я думаю, что да. Ну слушай, мы с тобой сидели в чайхане. Какова вероятность того, что до нас с тобой до...тся?*

– *Ну, нулевая.*

– *Максимальная*

– *Мы обсуждаем какие-то политические вопросы, еще что-то, кому-то что-то может и не нравится, но ... (Ю. Дудь – Е. Крид).*

Второй разновидностью встречного вопроса является уточнение мотивировки:

– *У тебя есть 1 млн долларов на счету?*

– *Зачем тебе эта инфля?*

– *Слушай, просто знаешь...Извини, что я это, цитата из твоей песни: «Forbes, хватит считать, сколько я заработал, оставим вопросы Дудю». Так давай хотя бы один вопрос: есть ли у тебя 1 млн долларов на счету? (Ю. Дудь – Е. Крид).*

В случаях, когда инициирующая реплика нарушает границы личного пространства, запрос на мотивировку подразумевает некорректность поведения интервьюера и вынуждает его некоторым образом оправдываться.

Личный и некорректный характер инициирующего вопроса в современных медийных интервью, а также часто содержащаяся в нем критика собеседника способствуют тому, что многие интервьюируемые, пытаясь достаточно жестко защищать свое личное пространство, существенно модифицируют встречный вопрос, преобразуя его в критическое высказывание, направленное на интервьюера:

– *Зачем учить людей врать?*

– *Ты можешь себе это позволить жить без манипуляции со своими мужчинами.*

– *Но у меня никогда в моей семье не было изначально каких-то денег, которые мне позволили добиться. Я добилась всего сама, поехала одна в Москву. <...>.*

– *Ты хочешь сказать, что Валя Иванова и Ксения Собчак имеют абсолютно равные права?*

– *Права – да, стартовые условия неравные. <...>*

– *Все же тебе ведь не просто так выцепила именно эту тему. Вот скажи мне, почему ты выбрала исключительно богатых подруг? (К. Собчак – В. Степанова).*

В результате интервьюер не столько высказывает свое мнение по рассматриваемой проблеме, сколько оправдывается или защищается, а ситуативно доминирующую позицию, позволяющую задавать вопросы и контролировать ход диалога, занимает интервьюируемый.

В ряде случаев при реализации критики происходит смещение от изначальной темы вопроса к более широкой смежной теме, которая требуется интервьюируемому для перехвата инициативы.

– Почему В. Путина называют твоим крестным?

– Я не знаю, почему. <...> Почему тебя все называют человеком, который только про бабло у всех интересуется?

– Потому что это правда.

– Это правда? А тебя еще вот антисемитом называют, <...> И сексизмом тоже, кстати. <...>

– Ну, да, в бытовом смысле я конечно сексист. В бытовом.

– Слушай, а давай поговорим об этом.

– Давай, я готов объяснить, что такое бытовой смысл (Ю. Дудь – К. Собчак).

Здесь тема иницирующего вопроса смещается к более общей, приблизительно определяемой как «слухи разной степени достоверности». В рамках этой темы вполне допустим встречный вопрос о мнении интервьюера насчет слухов в отношении себя, который затем легко трансформируется в серию критических замечаний, позволяющих инвертировать позиции коммуникантов в данном фрагменте диалога.

В случае использования серии встречных вопросов инвертированность коммуникативных ролей может сохраняться на протяжении достаточно продолжительных отрезков диалога (примеры выше), но чаще перераспределение ролей носит фрагментарный характер длиной в одну реплику, после которой нарушенный порядок восстанавливается:

– Кто Ваш настоящий друг?

– А я должен рассказывать все?

– Почему Вы не хвастаетесь друзьями?

– Потому, что это не публичное, а личное.

– И об этом нельзя рассказывать?

– Никогда (И. Шихман – А. Васильев).

Таким образом, в современном медийном дискурсе постепенно пересматривается подход к диапазону допустимых для обсуждения тем и журналистской этике. Возрастающее количество личных провокационных вопросов в медийных интервью ведет к необходимости защиты границ своего личного пространства интервьюируемым. В результате помимо реактивных защитных тактик в современном интервью в качестве способа защиты личного пространства активно используется инвертированный порядок распределения коммуникативных ролей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Кантор, Ю. З. Диалогический текст интервью в коммуникативном аспекте: (на материале современных российских газет) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ю. З. Кантор. – СПб., 2001 – 191 л.
2. Юрина, М. В. Коммуникативные стратегии партнеров в политическом интервью: на материале современной прессы ФРГ : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / М. В. Юрина. – Самара, 2006. – 187 л.

КОГНИТИВНЫЕ И НЕЙРОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ В ПРОЦЕССАХ ИНТЕНСИФИКАЦИИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ВУЗЕ

С. А. Зудова

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, zudova@bsu.by*

Целью данной статьи является описание новых подходов в обучении студентов высших учебных заведений с использованием достижений нейробиологии, нейролингвистики и когнитологии. Автор рассматривает основные теоретические аспекты и практическое применение некоторых принципов нейроязыкового коучинга. Приведены примеры успешного применения этого метода в академической среде. Эта статья адресована преподавателям, ищущим новые подходы в обучении иностранным языкам. В заключении говорится о том, что следование принципам нейроязыкового коучинга позволяет повысить мотивацию студентов, способствует развитию коммуникативной компетенции и созданию благоприятной атмосферы для обучения.

Ключевые слова: нейролингвистика; нейроязыковой коучинг; благоприятное для мозга общение.

COGNITIVE AND NEUROLINGUISTIC ASPECTS IN FACILITATING THE PROCESS OF FOREIGN LANGUAGE TEACHING AT UNIVERSITY

S. A. Zudova

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus
zudova@bsu.by*

The purpose of this article is to describe new approaches in teaching students of higher educational institutions using the achievements of neurobiology, neurolinguistics and cognitology. The author considers the main theoretical aspects and the practical application of some principles of neurolanguage coaching. It gives the examples of successful application of this method in the academic environment. This article is addressed to teachers searching for new approaches in foreign language teaching. In conclusion, it says that following the principles of neurolanguage coaching makes it possible to increase the motivation of students, to contribute to the development of communicative competence and create brain-friendly environment for learning.

Key words: neurolinguistics; neurolanguage coaching; brain-friendly; rapport.

В последние десятилетия интерес к когнитивным и нейролингвистическим аспектам обучения иностранному языку продолжает расти как в отечественной, так и в международной науке. Это вызвано не только успехами в экспериментальных науках, позволившими изучать речевую и мыслительную деятель-